

УДК 821.161.1 – 1.09:82.09

В.В. Щербина

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Русские поэты-символисты взяли многое не только от романтизма и модернизма Западной Европы, но, воспринимая себя наследниками всей мировой культуры, они целенаправленно отбирали в духовном и литературном наследии предшествующих эпох то, что соответствовало их собственным представлениям о сущности бытия, структуре мироздания, о природе и назначении искусства и поэзии. Философские и эстетические взгляды русских символистов обусловили своеобразие поэтики их произведений, определили особенности стиховых систем, обозначили тематику их творчества, оказали влияние на жанровое разнообразие символистской поэзии. «Именно образы природы, которая остается равной себе на протяжении столетий, позволяют проследить особенное движение художественной образности, не смешивая его движением отображаемой действительности», – отмечает М. Эпштейн [12, с.5].

Понятие полноты человеческого бытия является важной чертой поэтического мира Ю. Балтрушайтиса, а полнота и гармоничность бытия зависят от взаимоотношений человека с окружающей средой, с природой. Стихотворения Балтрушайтиса, посвященные природе, также во многом раскрывают самобытные моменты его поэтической философии. По мысли В. Дауетите, взаимоотношения человека и природы в творчестве поэта «узаконены отчетливыми формулами бытия. Лиризм этим постоянным взаимоотношениям придает их эмоциональная основа» [7, с.171].

Цель данного исследования – выявить особенности использования образов природы в творчестве Ю. Балтрушайтиса, обозначить их сходство и различие в художественном мире поэзии

Ю. Балтрушайтиса в их притяжении и отталкивании с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения.

Значительное влияние на формирование философско-эстетической позиции поэта оказали представители немецкого романтизма. Видное место среди немецких романтиков занимает Шеллинг, философские взгляды которого носили пантеистический характер.

«Очеловечивание и обожествление природы – это, по существу, то же, что признание факта причастности природы человеческим тайнам. В природе живет человеческое начало и потому человеку дано через природу познать самого себя», – пишет Е. Маймин [9, с.17].

В стихотворениях, относящихся к раннему периоду творчества, Ю. Балтрушайтис изображает природу в ее первозданной красоте и величии: «Обнажился простор средь росистых долин, / В бесконечность откинулись дали, – / Будто с божьих высот, с заповедных глубин, / Все завесы над миром упали» («Утренние песни») [1, с. 32]. В мире еще нет человека, но природа уже готова его принять и посвятить во все свои таинства. В стихотворении Балтрушайтиса «В лесу», которое написано в форме наставления лирическому герою и каждому жителю земного мира, звучит мысль о возможности слияния человека и природы. Обожествляя природу, поэт призывает людей думать и внимательно вникать в ее тайны: «Вдаль ли глянуть, вглубь ли, ввысь ли, / Всюду – трепет, шелест, дрожь... / Только вникни, только мысли / Все узнаешь, все поймешь!» («В лесу») [1, с. 34]. По мнению поэта, человек должен искать духовной связи не только с человеком, но и с каждой минутой бытия, с каждой частицей природы, в которой замечен отблеск вечности.

В ранней поэзии Ю. Балтрушайтиса мир природы находится в постоянном движении. Меняясь, он предстает перед человеком и «безмерной далью», и «глубью лазурной, не знающей дна», то вдруг становится хрупким и крохотным, превращаясь в «капельку росы». В стихотворении Балтрушайтиса «Цветок» звучит мысль о тесном родстве человека и мира природы: «Цветок случайный, полевой, / Я – твой двойник, я – рыцарь твой! / Один на свете труд

у нас – / Как жить-цвести в полдневный час, – / Как божьим светом, синевой, / Наполнить малый кубок свой!» («Цветок») [1, с. 40]. И в жизни человека, и в жизни цветка есть периоды цветения и умирания, охватывающие весь живой мир. В данном поэтическом контексте звучит тема жизни и смерти. Лирический герой открыт небытию и смерти, объясняя ее неизбежность общими процессами, характерными для мира природы. «Одна весна нам в мире мать, / Наш жребий – вместе умирать» («Цветок») [1, с. 41]. Так в природе бесконечно повторяется то, что в жизни человека кажется его индивидуальной, исключительной трагедией.

В более поздних стихотворениях Ю. Балтрушайтиса все отчетливее звучит мысль о том, что человек и природа – два разных мира и их слияние невозможно, допустимо и возможно лишь параллельное существование. Во многих стихотворениях поэт использует природный образ для утверждения и проверки своих мыслей, а не для отражения чувств и эмоций. Картина глухого берега и необъятного морского простора в стихотворении Балтрушайтиса «Вечерняя песня» подтверждает мысль лирического героя о хрупкости и быстротечности человеческого бытия: «Людская жизнь – мгновенья, годы, сроки, / Счет дней и дней, – / В земной тоске раскрыт весь мир широкий, / Вся вечность – в ней!» («Вечерняя песня») [1, с. 72].

Природа интересует Балтрушайтиса в плане философского осмысления жизни человека. Особое место занимает в художественном мире поэта осенний пейзаж. Мрачная картина осенней природы усиливает смутное ощущение нависшей над человеком угрозы: «Синеют дали без привета... / Угрюм заглохший круг земли... / И, как печальная примета, / Мелькают с криком журавли» («Осенью») [1, с. 69]. Заколоченная сторожка, черные гнезда ворон, пустынный холм с беседкой делают картину осеннего заброшенного парка особенно реалистичной: «Взор печальный отмечает / Прах и тлен со всех сторон... / И осенний вихрь качает / Гнезда черные ворон...» («В парке») [1, с. 70].

Если в творчестве Ю. Балтрушайтиса осенний пейзаж предстает перед нами мрачным и таящим угрозу, то лирический герой

стихотворения К. Бальмонта «Осень» восхищен красочностью осенней природы, а его душа исполнена тихой светлой грусти. Осенние дожди дарят природе очищение, а человеку дают возможность оценить солнечное тепло и несут необходимый духовный покой: «Стаи птиц улетают, / Прочь, за синее море, / Все деревья блистают / В разноцветном уборе./ Солнце реже смеется, / Нет в цветах благово- нья. / Скоро осень проснется, / И заплачет спросонья» («Осень») [2, с. 229].

В стихотворении «Вчера во мгле неслись титаны...» Вяч. Иван- нов противопоставляет мощь и пылкость летней природы холод- ному сосредоточенному спокойствию осеннего пейзажа: «А ныне, сил избыток знойный / Пролив на тризне летних бурь, / Улыбкой осени спокойной / Яснеет хладная лазурь» («Вчера во мгле неслись титаны...») [8, с. 97]. В данном поэтическом контексте поэт изобража- ет внутреннюю жизнь природы в момент ее осеннего преображения. Жизнь осенней природы влечет человека как загадка бытия. Осенью в природе совершается что-то важное и значительное, природа гото- вится перейти в новое состояние, близкое состоянию небытия.

Черты умирания отчетливо различимы в стихотворении З. Гиппи- ус «Осень», лирическая героиня которого не боится смерти и готова встретить ее как единственную избавительницу от «великого урод- ства жизни»: «Там сумрак, там сладость, / Все Осени внемлет, / И тихая радость / Мне душу объемлет. / Приветствую смерть я / С без- умной отрадой, / И муки бессмертья / Не надо, не надо!» («Осень») [6, с. 61].

А. Блок воспевае богатство и красоту последних дней осени в стихотворении «Пляски осенние». Лирический герой стихотворения искренне восхищен могучим всплеском природы. Он ощущает ее ритм, вступает в новые связи с миром, обретая полноту существова- ния: «Осененная реющей влагой, / Распустила ты пряди волос. / Хо- роводов твоих по оврагу / Золотое кольцо развилось. / Очарованный музыкой влаги, / Не могу я не петь, не плясать, / И не могут луга и овраги / Под стопою твоей не сгорать...» («Пляски осенние») [4, с. 24].

Увядаящая осенняя природа созвучна душевному состоянию лирического героя стихотворения Ю. Балтрушайтиса «Осенняя песня». Размышления об осени для человека – способ познания себя и постижения величественного мира природы: «Прошли зеленые потемки, / Их звон утих... / И гнется с треском стебель ломкий / У ног моих» («Осенняя песня») [1, с. 136]. В данном поэтическом контексте звучит мысль о необратимости времени, о постоянном движении и вечном обновлении жизни.

Ю. Балтрушайтис много путешествовал, бывал на Кавказе, в Крыму, в Италии, Германии, Швейцарии, но суровая скандинавская природа, духовное родство с которой он всегда ощущал, была ближе и понятней поэту, чем яркие южные пейзажи. «Твой знак пред жизнью – вереск гор, / Из синевы его убор... / Его лазурный, долгий век / Красив в росе, красив сквозь снег... / Пыланье розы, цвет гвоздик / Угрюмо чахнет в серый миг» («Твой знак пред жизнью...») [1, с. 262].

Очарование северной природы было знакомо и К. Бальмонт, с восторгом изображающего суровый скандинавский пейзаж в стихотворении «Север»: «Как пленительна весна / Там, где снег – не сновиденье, / Где полгода – тишина / Перед счастьем возрожденья... / Там весна – как смерть врага, / Все вдвойне от смерти пьяны...» («Север») [2, с. 72].

По мнению В. Дауетите, природа в ранней поэзии Ю. Балтрушайтиса «не только отражает постоянно меняющиеся движения души, но и является ее замаскированной параллелью» [7, с. 176].

Мысль о необходимости связи человеческой души с творческим началом самой природы звучит во многих стихотворениях Балтрушайтиса, лирический герой которых – неторопливый мудрец, философ природы, осторожно всматривающийся в каждую травинку, в каждый неброский цветок, пытаясь найти в вечной переменчивости природы не доступную ему самому прочность. Не случайно особое место в поэтическом творчестве символистов занимает образ дерева – образ роста и развития. В поэзии Балтрушайтиса данный образ, представляющий мотив движения, также связан с темой пути и

является одним из символов «восхождения» и причастности человека великой мистерии житневторчества.

Душа лирического героя стихотворения Балтрушайтиса «Тополь» и душа дерева, ощущая духовное родство, тянутся друг к другу. Тополь предстает перед нами живым, мыслящим, тонко чувствующим: «Если я теряю в плаче / Ясность сердца моего, / Той же грустью, лишь иначе, / Дышит шелест, речь его» («Тополь») [1, с.133]. Человек и дерево постоянно ведут беззвучный диалог, достигая взаимопонимания и полной гармонии в мыслях и общении. В стихотворении звучит мысль об общем жребии и «едином долге всех живых», пришедших в земной мир, чтобы «тянуться к солнцу и к звездам в далях мировых». Природный образ в данном стихотворении наделяется психологическим обликом, аналогичным человеку. И дерево, и человек – лишь малые частички природы, ее крохотные песчинки, но их существование взаимообусловлено, их единство предопределено.

В стихотворении Вяч. Иванова «Осенью» внутренняя жизнь природы предстает перед нами в момент ее осеннего преображения. Тихо и незаметно природа уходит из жизни, склоняясь перед неизбежностью законов бытия. Для поэта размышление об осени – путь углубленного постижения человека в его внутреннем единстве с миром природы. Образ тополя в данном стихотворении не только знак смерти, но и символ возрождения и обновления: «Луч кочевой серебром загорается.../ Словно в гробу, остывая, Земля / Пышною скорбью солнц убирается, / Стройно дрожат тополя» («Осенью») [8, с. 119].

Картину природы, созданную в стихотворении З. Гиппиус «Осень», особенно украшают легкие тонкие березы, которые, по мнению многих исследователей, являются самым типичным представителем славянского древесного фольклора. А. Ханзен-Леве отмечает, что «серебристо-белый ствол березы дополнительно указывает на ее лунную природу <...>, а кора как белая основа для письма, связывает био – и семиосферу, природу и культуру» [11, с. 631]. Природа в стихотворении З. Гиппиус одушевлена и психологична, у нее свои тревоги и переживания, она готовится перейти в небытие: «Бестрепетно осень / Пустыми очами / Глядит меж стволами / Задумчивых сосен,

/ Прямых, тонколистых / Берез золотистых, – / И нити, как Парка, / Седой паутины / Свивает и тянет...» («Осень») [6, с. 61]. Картина увядающей осенней природы точно передает настроение лирической героини стихотворения, пытающейся осмыслить движение времени и найти источник глубокого воздействия осени на духовное и физическое возрождение человека.

Образ дерева в одноименном стихотворении Балтрушайтиса является символом творения и организации мироздания, связанным с представлениями о поэте-демиурге, заново творящем мир в своих произведениях: «Тянутся ветви к области горней, / К звездам в бестрепетной мгле... / Скрыты глубоко темные корни / Тайною сетью в земле» («Дерево») [1, с. 119]. Данный образ восходит к глубоко архаическому образу «мирового дерева», который, по мнению В. Маркова, «является извечной опорой в архитектуре вселенной, мировой осью, соединяющей верхний, средний и нижний миры» [10, с. 140]. Дерево в стихотворении Балтрушайтиса не только соединяет небо и землю, но и является символом человеческой жизни вообще.

В данном поэтическом контексте слышна переключка со стихотворением К. Бальмонта, в котором перед нами предстает грандиозное «славянское древо», объединяющее прошлое, настоящее и будущее многочисленных славянских народов. Поэт верит, что в грядущем «славянское древо» будет неизменно цвести, а бури и невзгоды смогут лишь «освежить» его и сделать крепче: «...туча протянется, с молнией, с громом, / Как дьявольский омут, как ведьмовский сглаз, / Но Древо есть терем, и этим хоромам / Нет гибели, вечен их час» («Славянское древо») [2, с. 253]. В данном стихотворении Бальмонт не случайно упоминает названия некоторых конкретных деревьев. По мнению А. Ханзен-Леве, «дуб», «ива», «береза», относятся к «дионисийскому земному и болотному миру» и потому являются «славянскими деревьями». Исследователь отмечает, что «славянский дуб и мантическо-языческий шепот его листвы как выражение некоего матриархального откровения природы соотносятся с крестным древом на Голгофе и связанной с ним христианской Благой Вестью» [11, с. 628].

Образ дуба использует А. Белый в стихотворении «Призыв», посвященном памяти М.С. Соловьева: «Там...далеко...среди равнин / старинный дуб в тяжелой муке / стоит затерян и один, / как часовой, подъявший руки» («Призыв») [3, с. 138]. Бренный, смертный, непрочный человек, как и одинокий дуб, призван дать ответ вечности за свой разлад с внешним миром. Печальный шепот листвы дуба напоминает лирическому герою голос его умершего друга. На какое-то мгновение душа человека и душа дерева становятся единым целым, но подобное взаимопроникновение оказывается лишь краткой иллюзией. Как бы ни старался лирический герой внимать горестным призывам дерева, они так и останутся недоступны его пониманию, как послания из далекого, желанного, но недостижимого мира.

В другом стихотворении А. Белого «Возмездие» лирический герой отчетливо слышит голос могучего кедра, по определению А. Ханзен-Леве, дерева ночи и смерти: «Горький вздох полусонного кедра. / Грустный шепот: "Неси же свой крест..."» («Возмездие») [3, с. 139]. Лирический герой стихотворения одинок, он оторван от людей и не нуждается в них. Блуждая в горах, он поднялся так высоко, что «бесконечность огненных звезд» стала для него ближе, чем когда-то привычная жизнь «долины», из которой он пришел. Человек-пророк словно отстранился от чуждого ему общества, оставшись наедине с собой и с миром. В стихотворении звучит мысль о том, что творчество принадлежит миру возвышенного и всегда тянется ввысь, преодолевая все препятствия, которые неизбежно встают на его пути. По мнению поэта, искусство неразделимо с тайной сущего, оно и есть высшая правда и единственно возможный путь познания. Образ кедра в стихотворении А. Белого является не только знаком высшего, скрытого от людей мира, но и атрибутом Высших сил, определивших нелегкую судьбу человека, призванного быть новым «мессией».

Аналогом отечественного кедра, по мнению А. Ханзен-Леве, является кипарис, образ которого продуктивен в поэзии Балтрушайтиса. Картина осеннего запустения, созданная поэтом в стихотворении «В парке», точно отражает душевный настрой лирического героя,

его разочарованность и горькое одиночество: «Где спускался, зыбля складки, / Вешний груз зеленых риз, / Ныне дремлет в серой кадке / Одинокий кипарис...» («В парке») [1, с. 70]. Страдающий человек не может ощутить себя в ритме всеобщей жизни, и пропасть между ним и природой становится непреодолимой. В стихотворении звучит мысль о невозвратимости прошлого. В пустынном осеннем пейзаже нет ярких красок, стерлись они и в душе лирического героя. Единственное зеленое дерево в уснувшем до весны парке, казалось, должно внушать надежду и напоминать человеку о скором преображении природы, но равнодушный, спящий под «мертвый шум» кипарис лишь усиливает ощущение тоски и безысходности, наполняющее душу лирического героя.

В стихотворении «Аллея» Балтрушайтис использует несколько древесных образов, символизирующих разные этапы жизни человека. Лишь в начале пути лирический герой может любоваться «алостью роз», но юность, лучший период в жизни человека, который поэт ассоциирует с прекрасным цветком, недолговечна. Очень скоро «восхождение» перестает походить на приятную прогулку, и человек, страдая от изнуряющего зноя, стремится укрыться в тени «тополя и клена», символизирующих зрелый период жизни лирического героя. Чем выше поднимается человек, тем реже ему удастся понять шелест листвы, вещающий, по мнению А. Ханзен-Леве, о собственной сущности, «перелагая тайну природы на пророческий и мантический язык» [11, с.626]. В конце пути лирический герой приходит к плакучей иве, образ которой поэт ассоциирует не только с окончанием человеческой жизни, но и с идеей «нисхождения». Ветви плакучей ивы тянутся вниз, к своим корням, устремляясь назад в лоно земли. Так и человек, по мнению Балтрушайтиса, совершая «нисхождение», возвращается к истоку своего движения, сливаясь со Вселенной, и получает возможность нового рождения. Другим атрибутом «нисхождения» и символом смерти в стихотворении является кипарис. Строго чернея на границе между двумя несоединимыми мирами, хрупкое, устремленное ввысь дерево служит человеку

напоминанием о необходимости вечного возвращения к первоисточкам и вечного обновления.

Подведем некоторые итоги. В художественном мире Ю. Балтрушайтиса почти нет ярких, поражающих воображение красок. Его пейзажи сумрачные, в них все кажется приглушенным – и краски, и звуки, и движения. Особое место в творчестве поэта занимает образ дерева – символа рота и развития. Дерево в поэтике Ю. Балтрушайтиса – пример верности своему назначению и собирательный образ «древа жизни», от которого ведет начало человеческий род. Неброская суровая природа, севера, лишённая вычурности и нарядности, была особенно дорога поэту, увлекая его в лабиринты духовных поисков.

Литература

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс: Vaga, 1983. 319 с.
2. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи. Москва: Худ.лит., 1980. 742 с.
3. Белый А.А. Стихотворения. Москва: Книга, 1988. 575 с.
4. Блок А. Собрание сочинений в 8 томах. Т.1. Москва – Ленинград: Гос. изд-во худ. лит., 1960. 715 с.
5. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах. Т.1. Москва: Худ. лит., 1973. 672 с.
6. Гиппиус З.Н. Сочинения: Стихотворения; Проза. Ленинград: Худож. Лит., 1991. 672 с.
7. Даулетис В. Юргис Балтрушайтис. Вильнюс: Vaga, 1983. 326.
8. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1978. 560 с.
9. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Москва: Наука, 1976. 189 .
10. Марков В.А. Литература и миф: проблема архетипов. Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С.149–158.
11. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Комическая символика. Санкт-Петербург. Академический проект, 2003. 816 с.
12. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высшая школа, 1990. 303 с.

Анотація

В.В. Щербина. Образи природи у художньому світі Юргіса Балтрушайтіса у контексті російської символістської поезії

У статті розглядається специфіка створення та розвитку образів природи, які супроводжують ліричного героя поетичного світу Юргіса Балтрушайтіса на шляху до вершин духовного буття. Встановлено, що у ранніх творах поета звучить думка про можливість гармонійного існування природи та людини та необхідність духовного зв'язку між ними. У творах, що відносяться до більш пізнього періоду творчості, образи природи пов'язані з темою життя та смерті. Світ природи сприймається далеким та ворожим. Показано, що образи природи поет використовує для підтвердження та перевірки своїх власних думок. Доведено, що особливе місце у поезії Балтрушайтіса посідає образ дерева, символ зростання та розвитку. Цей образ у художньому світі поета пов'язаний з мотивом руху та темою людини-творця. Образ дерева у поезії Балтрушайтіса набуває психологічних характеристик та стає символом відродження та оновлення. Показано, що образ дерева у віршах поета об'єднує небо та землю та символізує життя людини взагалі. У творах Балтрушайтіса, які належать до більш пізнього періоду творчості, образ дерева асоціюється з ідеєю творчого служіння людям. Доведено, що у художньому світі поезії Балтрушайтіса надається перевага образам суворой північної природи. Саме безкрай північні простори надихали поета та сприяли його духовним пошукам.

Ключові слова: лірика, образи природи, символ, художній світ.

Аннотация

В.В. Щербина. Образы природы в художественном мире Юргиса Балтрушайтиса в контексте русской символистской поэзии

В статье рассматриваются особенности построения и развития образов природы, которые сопровождают лирического героя поэтического мира Юргиса Балтрушайтиса на пути к вершинам духовного бытия. Установлено, что в ранних стихотворениях поэта звучит мысль о возможности гармоничного существования природы и человека и необходимости духовной связи между ними. В стихотворениях, которые относятся к более позднему периоду творчества, образы природы связаны темой жизни и смерти. Мир природы воспринимается далеким и враждебным. Показано, что образы природы поэт использует для подтверждения и проверки своих собственных суждений. Установлено, что особое место в поэтике

Балтрушайтиса занимает образ дерева, символ рота и развития. Этот образ в художественном мире поэта связан мотивом движения и темой человека-творца. Образ дерева в поэтике Балтрушайтиса, наделенный психологическими чертами, становится символом возрождения и обновления. Показано, что образ дерева в стихотворениях поэта объединяет небо и землю и символизирует человеческую жизнь вообще. В стихотворениях Балтрушайтиса, принадлежащих к более позднему периоду творчества, образ дерева ассоциируется идеей творческого служения людям. Установлено, что в художественном мире поэзии Балтрушайтиса отдается предпочтение образам суровой северной природы. Именно бескрайние северные просторы вдохновляли поэта и способствовали его духовным исканиям.

Ключевые слова: лирика, образы природы, символ, художественный мир.

Summary

V.V. Shcherbina. The Images of Nature in Yurgis Baltrushaitis' Poetic World in the Context of Russian Symbolist Poetry

The peculiarities of creating and developing nature images, which accompany a lyric character on his way to the spiritual summits in Yurgis Baltrushaitis' poetic world are taken into consideration in the article. It is shown that the idea of possible harmonic coexistence of man and nature and necessity of their spiritual connection can be heard in early poems. In the poems that belong to later periods of Baltrushaitis' creative activity nature images are often connected with the concept of life and death. The world of nature seems distant and hostile. It is shown that the poet uses images of nature to confirm and heck his own statements. It is proved that the image of a tree is considered to be the symbol of growth and development and occupies a specific place in Baltrushaitis' poetic world. This image in Baltrushaitis' poetics is connected with the motive of movement and the concept of man-creator. The image of a tree in Baltrushaitis' poetics acquires psychological characteristics and becomes the symbol revival and innovation. It is shown that the image of a tree in his poems unites the haven and the earth and symbolizes human life in general. In the poems that belong to later periods of Baltrushaitis' creative activity, the image of a tree is associated with the idea of creative duty. It is proved that in Baltrushaitis' poetic world the images of severe north nature are more preferable. The vast north spaces inspired the poet and encouraged him for spiritual search.

Key words: images of nature, lyrics, symbol, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-2717-3855>